

ПЛАТФОРМА
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Они – Иван Голунов?

Как селективное правоприменение меняет
отношение к системе госуправления

Об исследовании

ЦЕЛЬ

Целью исследования является анализ реакции на вызвавшее широкий резонанс дело Ивана Голунова и в целом на протестную активность последнего года в среде, наиболее вовлеченной в общественно-политическую повестку страны. Обычно в фокусе внимания при анализе реакции на события оказывается политический контекст. Специфика нашего исследования – в попытке понять место общественной повестки в жизни человека, логику его реакции, влияние на личные планы.

В ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВХОДИЛ АНАЛИЗ:

- актуального поля событий для целевой группы и контекстов, в которых они осмысляются;
- реакции на дело Голунова с точки зрения фокуса интереса и связи с другими событиями;
- типа эмоциональной реакции на события и влияния на установки;
- осмысления роли власти в контексте событий.

ЦЕЛЕВАЯ ГРУППА

Целевой группой исследования была выбрана наиболее ресурсная категория населения – жители столицы, обеспеченный и образованный слой, обладающий потенциалом мобильности, жизненная стратегия которого является достаточно гибкой и переопределяется в зависимости от обстоятельств. Гипотеза состояла в том, что именно в этой группе реакция на события наиболее интенсивна и может влиять на личные стратегии.

МЕТОДЫ

Полуструктурированные интервью. Длительность – от 20 до 30 минут.

ПЕРИОД

Событие, от которого мы отталкивались в интервью, вызывало острый эмоциональный отклик аудитории. Чтобы оно было свежо в памяти, с одной стороны, а эмоции успели остыть и позиции выкристаллизироваться, мы проводили интервью в

течение 2 недель с момента объявления о снятии обвинений (с 12 по 26 июня).

ВЫБОРКА

Выборка носила целенаправленный характер. Это означает, что мы стремились к поиску типичных случаев, а не к случайности отбора, который обычно реализуется в количественных исследованиях (массовых опросах). В задачи входило понимание логики, всесторонний анализ типичной реакции на событие, а не статистическая оценка распространенности тех или иных взглядов.

Количество интервью – 40.

При отборе участников применялись следующие условия:

- постоянно проживающие в г. Москва;
- в возрасте 25-45 лет;
- имеющие высшее образование;
- занятые интеллектуальным трудом;
- по самооценкам интересующиеся общественно-политической жизнью страны;
- знающие о событиях вокруг ареста Ивана Голунова и выступающие в его поддержку.

В выборке задавались квоты на пол, возрастную когорту внутри выбранного интервала.

Участники отбирались с помощью разработанной логической схемы, которая позволяла обеспечить неоднородность выборки, представить разные страты целевой группы. Она включала значимые с точки зрения исследовательских вопросов различия: сфера деятельности и профессиональная среда, формы занятости (частные предприниматели и собственники бизнеса, наемные рядовые работники, руководители компаний и подразделений), отношение к ситуации в стране и оценка власти (критически настроенные и оценивающие ситуацию положительно или нейтрально).

Исключались люди, профессионально связанные с политической деятельностью, правозащитной работой, журналистикой, рекламой и связями с общественностью, социологией и политологией.

Участники отбирались методом т.н. снежного кома. Интервьюеры осуществляли поиск с помощью наработанной сети контактов в разных профессиональных средах, прося порекомендовать им людей, подходящих под описание выборки. Также часть интервью была взята у участников митингов в поддержку Ивана Голунова.

Рабочая группа

АНАЛИТИКА

Фирсов Алексей

Макушева Мария

ИНТЕРВЬЮ

Воронина Юлия

Лисицин Дмитрий

Лобанова Валерия

Стецко Надежда

Тропкина Ольга

Яцкова Дарина

1 О деле Голунова

В деле Голунова проявляется принцип, по которому сегодня объединяется и мобилизуется наше мозаичное общество – солидаризация на основе отдельных ситуаций, затрагивающих ценности, представление о справедливости, создающих смысловые коалиции (термин предложен И. Задориным).

Реакция вышла далеко за пределы самой ситуации с взятием под арест Ивана Голунова и охватила разные смысловые пласты. Дело стало одновременно историей:

- об отсутствии демократии и свободы слова для либеральной части аудитории, которая находилась в привычном поле сигналов и интерпретаций;
- о личной защищенности человека, что выходит за рамки идеологических противоречий и объединяет на основе сочувствия и идеи справедливости;
- об эффективности правоохранительных органов и судебной системы;
- о «проблеме 228», необходимости декриминализации статьи за хранение наркотиков, благодаря которой на поверхность в публичной дискуссии всплыло много данных о злоупотреблениях;
- о силе самоорганизации и возможности влиять на власть давлением.

Событие, таким образом, объединило как разные вектора критики власти, либеральный и консервативный, так и людей, которые настроены вполне лояльно и не выражают недовольства политической ситуацией. На стороне Ивана оказались как те, для кого притеснение журналиста является ярким маркером давления на свободу слова, так и те, кто в принципе не поддерживает его расследований и, по выражению информантов, не симпатизирует «либеральной тусовке».

Уникальность дела Голунова в том, что оно одновременно существует на нескольких уровнях:

- на бытовом, где звучит тема личной безопасности каждого,
- на политическом, в котором на первый план выходит осмысление власти как центра принятия решений и санкционирования действий правоохранительной системы,

- на институциональном, на котором поднимается вопрос об эффективности работы правоохранительной системы.

Наконец, дело Ивана Голунова не существует в восприятии аудитории изолированно. Оно стало отправной точкой для разговора о значимых событиях для жизни страны, которые являются в глазах аудитории индикаторами тех или иных процессов. Данное событие ложится в одну или несколько разных линий или векторов, задаваемых рядами событий последнего времени.

В докладе мы попытались комплексно, с разных сторон посмотреть на событие глазами аудитории.

2 Сигналы, которые воспринимают люди

Важность изучения реакции на события и актуального событийного фона связана с тем, что общественные процессы обычно не находятся в поле внимания широкой аудитории постоянно, актуализируются, когда что-то привлекает внимание.

С одной стороны, через события конструируется и поддерживается общая оценка ситуации. Мы делаем выводы, подхватываем близкие нам интерпретации, которые остаются и тогда, когда событие забывается. С другой, восприятие событий зависит от уже сложившегося определения ситуации – сознание выбирает то, что подкрепляет сложившееся впечатление, мы реагируем на знакомые и понятные маркеры.

Поэтому в анализе того, какие именно события были выхвачены из информационного потока и как интерпретированы, раскрываются фокус внимания, ценности и интересы аудитории.

Дело Голунова содержит, фактически, не один, а несколько разных поводов, каждый из которых порождает набор интерпретаций и ложится в свою событийную канву:

- сам арест, который привлек внимание части аудитории, следящей за повесткой, транслируемой либеральными СМИ;
- масштабная кампания в поддержку Ивана, которая уже привлекла внимание более значительной аудитории и породила несколько веток дискуссий – о политике, положении СМИ и журналистов, свободе информации, коррупции, о правоприменении;
- реакция власти и снятие обвинений.

На карте ниже представлены смысловые связи между разными событиями, которые проводят информанты.

Отдельные события быстро вымываются из памяти новыми информационными волнами. Однако оставляют после себя общие представления и ощущения. Интересно посмотреть на набор интерпретаций дела Голунова, совокупность суждений, которые оно закрепило в сознании.

Закон и правоприменение не работают. Фактически суд не является самостоятельной стороной в деле Голунова. Даже справедливое решение оставляет чувство незащищенности, так как требует беспрецедентной активности и организованного давления общественности. Событие привлекло внимание к статье 228 и практике ее применения. В более широком контексте оно заставляет задуматься о личной безопасности даже тех, кто не занимается политикой и заметной публичной активностью. Правоохранительные органы в контексте этой и других ситуаций воспринимаются как угроза.

Власть идёт на уступки, но только под давлением. В результате увеличивается ценность массовых протестов - они показывают эффективность в отсутствии других инструментов.

Оправдание после масштабной кампании в поддержку оставляет по себе много вопросов и сомнений в справедливости прежних приговоров по данной статье и шире, в **легитимности принимаемых в правоохранительной системе решений.** Насколько много в стране невинно-осужденных, если для защиты нужна настолько масштабная кампания?

Не понятны правила, по которым власть то игнорирует, то прислушивается к общественности. Кто принимает решение и под влиянием каких интересов и аргументов? Непрозрачность и ситуативность реакции задает общий тревожный тон.

Власть не воспринимается единой. В ней видят разные группы интересов. Это и делает ее менее понятной, и оставляет людям пространство для критики, даже политической, при сохранении лояльности отдельным институтам и/или персонам.

3 Почему Голунов?

Дело Голунова, несмотря на резонанс, не считают уникальным. Общим местом в разговорах о событии является его типичность – «это происходит повсеместно». Дело не уникально по сути, а уникально по масштабу отклика. Через сравнение реакции на несколько дел последнего года мы попытались сформулировать причины, по которым дело Голунова вызвало больший отклик.

- Реакция на дело, поддержка Ивана, стала этическим выбором, объединившим людей с разными политическими ориентациями. Протест против ареста не воспринимается как политический, и сам Иван не выглядит для аудитории частью политики, в которой «ведутся грязные игры» и нельзя до конца быть уверенным, кто прав, а кто виноват. Таким образом, он является одновременно более приемлемым для той части аудитории, которая в принципе не настроена протестно, с другой, является общезначимым, выходит за рамки интересов и прав отдельных групп, территориальных конфликтов.
- Дело ближе к жизненному миру простого человека, сама ситуация понятна, каждый может поставить себя на место Ивана. Например, в событии с Калви или правозащитниками нет солидаризирующей основы с населением. **Голунов не воспринимается как политик или часть эстеблишмента.**
- В истории проявляется эффект посредника – большое значение имеет то, кто на твоей стороне и **насколько эти группы влиятельны**. То, что затрагивает интересы группы, имеющей возможности **говорить публично**, имеет значительно больший потенциал распространения.
- Важен также потенциал солидарности в группе поддержки и ее **способность к консолидированному действию**. Для сравнения, в бизнес среде существуют сдерживающие факторы для проявления корпоративной солидарности, в отличие от среды журналистов, отчасти поэтому дело Калви не прозвучало так же громко.

“История с Голуновом не уникальна абсолютно, это стандартная практика МВД. (м., 41)

“Она уникальная с той стороны, что поднялся такой медиа-срач. Запустил эту компанию в соцсетях и всё это очень быстро распространилось. А такие случаи нередки. Обычных граждан, кого надо закрыть, закрывают, в принципе, без проблем. И в такой ситуации может оказаться любой неугодный человек. (м., 33)

“Такая история происходит постоянно со всеми. То есть, людей действительно интересует, что у журналиста, который что-то говорит, про власть, находят в кармане наркотики, а у Бориса Немцова, который что-то говорил, про власть находятся в спине пули. (м., 25)

“Дело Голунова оно стало популярным чисто потому, что «Медуза» активизировала те ресурсы, которые у них были. (ж., 26)

“Событие важно с точки зрения 228 статьи. Общественный резонанс был связан с тем, что задержали журналиста. Я знаю больше случаев, что задерживали людей, но у этих людей нет ресурса. История раздута, это событие журналистского масштаба. (м., 40 лет)

“Люди, которые сейчас сидят в тюрьме, которые ничего плохого не сделали, а у них с собой был коробок травы. Удивительным образом у них было ровно столько, сколько нужно для статьи. Понятно, что в этих делах заинтересованы правоохранительные органы, для них это способ легко получить себе «палку», существует практика выкупа. Более того, я за отмену этой статьи. В том, что он торговал, я не верила, употреблял - его дело, он занимался такими расследованиями, что торговать - это безумие. Были допущены грубые процессуальные нарушения и я думала, что подбросили. Они окабанели настолько, что даже подбросить нормально не могут. (м., 35 лет)

“Проблема в том, что по таким же статьям сажают, я не знаю, тысячи людей. Потому что 228 статья - это статья, по которой больше всего приговоров выносится в России. У нас, по-моему, 20 или 30, или 40 процентов заключенных сидит именно по этой статье. И сколько из них сидит таким же макаром. То, что им просто что-то кто-то подкинул для того, чтобы раскрыть тяжкое преступление, потому что, там условно говоря, по-моему, сбыт в крупном размере - это тяжкое преступление. (м., 33)

Некоторые следствия:

- Страх вызывает не только дело, но и то, что для защиты себя от несправедливости нужен очень большой социальный капитал, организованная поддержка лидеров мнений.
- Под вопросом – сама легитимность судебной-правовой системы. Дело породило сомнения в основаниях принимаемых решений по данной статье и шире.

4 Особенности формирования позиции

Блоковость. Решение и оценка формируются по маркерам — аудитория изначально разделена и первое принятие или отторжение позиции происходит нерелексивно, по принципу близости. Чтобы распознать близость нужны маркеры. Таковыми чаще всего выступают сами источники информации. Например, читая заголовок в «Медузе», лояльная аудитория уже заведомо знает, о чем пойдет речь, в каком контексте интерпретировать событие.

Важность солидарности. Важно, что интенсивность реакции и кристаллизация личной позиции происходят по мере развития кампании. Изначально событие было воспринято более сдержанно. Постепенно под влиянием выступлений лидеров выражение позиции стало моральным выбором, которого сложно избежать. В выборе выражается не согласие или несогласие с доводами, а идентичность, согласие или несогласие с теми, кто поддерживает. Поэтому вопрос о виновности или невиновности, о доказанности воспринимался как несущественный, а любые сомнения в том, что Ивана подставили воспринимались с раздражением. Дело здесь в принципе, а не в конкретном правонарушении. Даже если бы Иван был виновен, за него следовало бы заступиться. Он нужен как символ.

5 Власть на фоне протестной активности

Решение о снятии обвинения было неожиданным и безусловно трактуется как реакция на кампанию поддержки. В интерпретации действий власти в ситуации с Голуновым важно три момента:

- в решении видят проявление тенденции – уступок под влиянием общественности;
- уступки хоть и интерпретируются как шаг навстречу обществу, но шаг вынужденный; работающим механизмом общения с властью видят только давление;
- в интерпретациях доминирует логика неоднородной власти – нет единого центра санкционирования таких дел, принятия решений. **Информанты выделяют правоохрнительный блок, как носитель неуправляемой силы, и коррупцию, как носителя интереса.** Часть аудитории даже видит в деле проявление внутренней борьбы во власти, конфликтов, которые скоро проявятся более явно, а пока имеют характер подковерной борьбы: ситуация вызывает подозрение явной сфабрикованностью, слабостью позиций следствия, тем, что власть быстро пошла на уступки и «наказала генералов».

Во многих делах последнего времени власть попадает в заведомо проигрышную ситуацию, в которое есть критики и равнодушные, но нет активной поддержки. Отдельные ситуации не меняют восприятие власти, но приводят к накоплению напряжения.

“Для меня это отсутствие мощной вертикали власти, о которой все говорят. В этой истории стало очевидно, что единого центра нет. И дальше будет хуже, потому что эта система уже сама себя воспроизводит, клонирует и у нее будет все больше голов. Миллиарды Захарченко и все такие истории - звенья одной цепи, неуправляемая силовая система. (ж., 33)

“Если то, что произошло приведет к изменению отношения с силовиками в стране, то это прекрасно. (м., 33)

“Я была уверена, что задавят. Я была уверена, что соберут еще доказательств того, что он виновен, что была подготовлена такая акция о том, чтобы снять обвинения. (ж., 33)

6 Личная реакция на событие

В эмоциональном восприятии ареста Голунова можно выделить четыре вектора, также характерных для других событий:

- несправедливость, обида, раздражение; при этом важно ощущение внутренней изоляции — есть ощущение принадлежности к меньшинству, равнодушия или неодобрения большинства;
- досада и стыд от ухудшения репутации страны, символических потерь для ее жителей;
- воодушевление от солидарности;
- личный страх, характерный больше для тех, кто связан с бизнесом либо журналистскими и политическими кругами.

Их конфигурация определяет готовность к протесту либо «внутреннюю эмиграцию» и желание дистанцироваться.

Люди, даже воспринимая события с эмпатией, эмоционально вовлекаясь в ситуацию, скорее не видят связь с собственной жизнью. То, что происходит с политиками или бизнесменами воспринимается дистантно, как то, что не случится с тобой. Уникальность дела Голунова в том, что оно заставляет задуматься о личной безопасности даже тех, кто не публичен и не «лезет в политику».

В целом можно выделить несколько типов реакций на дело Голунова и другие события, воспринимаемые в том же контексте:

- Протест, желание активно участвовать в жизни страны и объединяться с другими;
- Дистанцирование, внутренняя эмиграция в следствие ощущения изоляции, эффекта меньшинства и безрезультатности протеста;
- Осторожность, нежелание выделяться и «лезть в политику»;
- Миграция. Событие не влияет на миграционные планы напрямую, но формирует фон, на котором оцениваются перспективы, привлекательность жизни и работы в стране. Ведущим фактором здесь является выгода. Ощущение личной угрозы не настолько высокое, чтобы перевешивать выгоды от работы в стране у тех, кто успешно адаптирован на рынке труда и для кого переезд

связан с потерями. Однако опасения снижают творческий потенциал определенной части общества.

Модель протеста:

- Ощущение несправедливости
- Чувство поддержки, солидарности с другими

Модель ухода, дистанцирование:

- Страх, чувство уязвимости
- Непрозрачность системы, отсутствие инструментов защиты своих прав

“На самом деле все эти митинги зарождают у меня один страх, что ты где-нибудь будешь идти мимо, тебя просто схватят, сунут в автозак, дадут три года тюрьмы, скажут, что ты какого-то полицейского задел рукой или ногой. (м., 33)

“История с Голуновым как раз таки она показывает, что в России есть риск попасть в тюрьму, будучи невиновным. (ж., 28)

“Просто никто не застрахован от того, что какой-то оперуполномоченный решит улучшить себе раскрываемость в районе, и обнаружит у тебя кармане, что-то там достанет. Или просто захочет заработать денег побыстрому. (м., 42)

“Нам важно выглядеть хорошо, а эти все портят. Одной рукой делают чемпионат, другой сажают Калви. (м., 30)

“Вот Солсбери, наверное, повлиял, потому что в целом это негативный какой-то ореол вокруг, скажем так, русских. То есть в этом плане я не рад, это негативно на меня повлияло. (м., 30)

8 Общая оценка ситуации: «мы», «они», политика и этика

Накопленное напряжение

В настоящее время мы видим достаточно регулярные вспышки протестной активности, которые определяют постоянный фон восприятия действительности. Ранее единичные случаи теперь складываются в единую композицию. Общественная ситуация кажется существенно иной даже по отношению к периоду полугодовой давности.

При том, что эти события формально разрозненны, они дают суммарный накопительный эффект и, как следствие, ощущение некой новой реальности, при которой а) область конфликтов будет расширяться; б) у власти не будет понятной и консолидированной стратегии реагирования; в) отдельные победы, такие, как в Екатеринбурге и Москве, будут повышать уверенность в успехе тех акций, где общество достаточно консолидированно; д) власть, ввиду противоречивости сигналов, в глазах общества продолжит терять цельность и единство политического импульса.

Активность протестных выступлений пока крайне мала для серьёзного влияния на общую систему политических отношений, однако сумма активностей и наполнение каждого протеста символической значимостью будут постоянно индуцировать превышенное общественное напряжение. Дело не только в возрастании протестной волны, но в появлении у гражданских активистов собственных конкурентных преимуществ - коммуникационных, содержательных и ценностных.

Доминирование критики

Протестно настроенные группы более инициативны, более заряжены на поддержание постоянного критического фона, риторически и стилистически более убедительны и более подготовлены к публичной полемике, чем «адвокаты» власти; уровень консолидации в протестном лагере возрастает, что невозможно сказать об оппонентах. Заметно отсутствие каких-либо фигур, обладающих значимым репутационным капиталом и при этом открыто играющих на стороне властных структур, если не брать в расчёт государственные СМИ.

Последние протесты (Екатеринбург, Шиес, Москва) также показали, что наличие харизматичных лидеров уже не является необходимым условием для организации выступлений. Сетевые коммуникации решают данную задачу.

Также события продемонстрировали неэффективность методов проведения встречных сетевых кампаний.

Анализ общественных реакций показывает, что критическая волна начинает быстро переходить от конкретного повода к обобщениям. Аудитории готовы без критического анализа принимать взгляды конфликтно настроенных спикеров; при этом встречная позиция блокируется на уровне раннего восприятия - аргументы со стороны официальных структур перестают восприниматься уже потому, что это аргументы официальных структур.

«Мы и они»: этика вместо идеологии

При том, что риторика протестных акций в значительной степени воспроизводит логику 2012 года, в том числе, смещение критики с идеологической в этическую плоскость, есть и заметные различия. В 2012-2013 годах существовала идеологическая альтернатива протестной волне, основанная на консервативных ценностях и противопоставлении миров - следовательно, возможность увести конфликт в область идеологического противостояния. Сегодня возможности для подобной стратегии значительно сужены. Консервативный потенциал оказался в значительной степени израсходован в период действия «крымского эффекта», а дальнейших решений для его раскрытия не было предложено. В ряде случаев мы видим, что схожую по своему содержанию критику начинают воспроизводить представители всех политических спектров.

«Система» и «государство». Анализируя интервью, мы видим, что для значительной части выборки понятие «системы» отслоилось от понятия «государства». Государство - это по-прежнему нормальная и необходимая сущность. Но при этом в сознании людей возникает устойчивое ощущение некоего чуждого и замкнутого на себе слоя («системы»), обладающего административными, силовыми и финансовыми ресурсами. Его ключевой задачей является собственное обеспечение и расширение своей ресурсной базы. Интересы государства воспринимаются здесь как риторическое прикрытие для задач собственного воспроизводства. Негативный образ «системы» закрывает сегодня образ государства.

Нельзя сказать, что президент Владимир Путин и его ближайшее окружение плотно ассоциируются с понятием «системы». Такое утверждение характерно только для явно оппозиционных групп. Но вместе с тем, у значительной части населения возрастает тревога, что центральная власть не может контролировать данное явление, что сила сложившихся

неформальных взаимодействий крайне велика, она позволяет блокировать все попытки взять «систему» под контроль; более того, серьёзная деструкция такого порядка приведёт к потере лояльности бюрократии.

Сложившаяся ситуация соответствует широко обсуждаемому антиэлитному глобальному тренду. Однако в России есть ряд специфичных моментов. Интенсивность дискредитации существующей элиты может идти даже быстрее, чем на Западе ввиду специфики национальных элит. Лишенное внутренней ценностной структуры, общество становится ослабленным и уязвимым, а также способным некритически увлечься негативными идеями.

Возможные решения, призванные снизить риски от подобной ситуации, лежат в изменении качества взаимодействия с общественными группами, создании реальных (неимитационных) платформ, которые могут преодолеть коммуникационные разрывы и обеспечить принципиально новый уровень диалога между властью и обществом.